

Ф. В. БУЛГАРИН

«Герой нашего времени». Сочинение М. Лермонтова

Две части. СПб., 1840. В тип. Ильи Глазунова и комп.,
в 8 д. л., 173 и 250 стр.

Предубеждение есть самое вредное ощущение в человеке, от которого что-нибудь зависит и который должен об чем бы то ни было произносить свои суждения и мнения. Под влиянием этого ощущения самый умный и самый честный человек может наделать глупостей, быть несправедливым и даже повергнуть в несчастье безвинного человека. Только сильная воля и постоянство в правилах могут избавить нас от этого вредного ощущения, которое так искусно уловляет ум наш и сердце в свои сети. Я чуть было не попался в них... Послушайте!

Однажды в восемь часов утра приходит ко мне человек, который отроду не бывал у меня, человек *положительный*, как червонец, человек, не увлекающийся мечтами, поэзией, порывами и т. п. Он оказал мне несколько из тех незначительных услуг, которыми образованные люди меняются в жизни, как приветствиями, и я не имел случая отплатить ему ни одною подобною услугою. «Я пришел к вам с просьбою», — сказал он. — «Приказывайте! Очень рад услужить вам». — «Напечатайте, пожалуйста, объявление о книге, которая выйдет в скором времени. Вот оно!» Я просмотрел объявление и невольно улыбнулся, узнав по напыщенности и неумеренным, раздутым и нарумяненным похвалам, что это объявление выходит из фабрики *абсолютно-объективно-субъективной* литературы¹. Посетитель заметил мою двусмысленную улыбку и примолвил: «Сочинитель книги, о которой я прошу объявить, хотя печатает свои произведения в журналах, которые против вас вооружены, но даю вам слово, что молодой автор вовсе не принадле-

жит к этой партии...» Я едва мог скрыть досаду при сих словах. «Милостивый государь! — возразил я. — Вы не знаете меня, говоря со мною таким языком! В литературе я знаю только *две* партии: партию *хороших* и партию *дурных* писателей. Враг ли мне автор или друг, мне все равно. Если он напишет *хорошее*, я буду хвалить, а напишет *дурное* — возглашу об этом с *доказательствами*. Вот мое неизменное правило! Объявление ваше я напечатаю, разумеется *смягчив* его, а выйдет книга — скажу об ней беспристрастно мое мнение». Посетитель оставил меня, заронив в уме моем зерно *предубеждения* противу книги.

Вышла в свет книга. В журналах, в которых автор печатает свои труды, стали хвалить книгу самым смешным образом, унижая при этом случае всех посторонних писателей². *Предубеждение* мое начало созреть, и я не имел духу взять книгу в руки!..

Эти странные похвалы до такой степени повредили книге, что об ней составилось какое-то неблагоприятное мнение, которому я невольно подчинился. Я даже не купил книги, чтоб не терять времени и денег на пустяки. *Предубеждение* мое уже принесло плоды!..

Наконец появилось (в «Маяке») суждение С. О. Бурачка об этой книге. Из этого суждения надлежало заключить, что роман «Герой нашего времени» есть ни более ни менее как подслащенная и ароматическая *аква-тофана*³ в прелестной стеклянке из граненого горного хрусталя. Сперва было я испугался, но, когда в той же самой статье С. О. Бурачка увидел я, что «Мещанин», соч. А. П. Башуцкого, поставляется в *образец* романов и что по этому масштабу измеряется достоинство «Героя нашего времени»⁴, я решился прочесть этот роман, противу которого *предубеждение* так сильно во мне вопияло. Почитая книгу ничтожною, я стал читать ее на *сон грядущий*, т. е. в постели, надеясь, что она усыпит меня, как многие из великих творений, прославляемых абсолютно-субъективно-объективными журналами, по рецепту Грибоедова:

Вам сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится!⁵

Была половина двенадцатого часа, когда я развернул книгу. Читаю, читаю; чтение завлекает меня... Наконец хочу положить книгу, погасить свечу и заснуть... Невозможно! Книга приковала к себе волю мою, ум, сердце, все ощущения души!.. Читаю — и когда я дочел до последней страницы, било шесть часов утра! В мои лета и при моих занятиях мне даже стыдно

сознаваться, что я провел ночь без сна, за романом! На другой день я вовсе не мог работать, просидел весь день с головною болью, и не досадовал. На третий день я снова прочел «Героя нашего времени» и сердился на автора... что книга так коротка... Все это случилось со мною впервые в течение двадцати лет. Ни для одного русского романа я не жертвовал целую ночь, и впервые прочел русский роман дважды сряду, и сожалел, что он не длиннее!

Я вовсе не знаю автора, никогда не видал его, ничего не читал прежде из его произведений, потому что не читаю тех журналов, в которых он печатает свои стихотворения... Не знаю и знать не хочу, какого он мнения обо мне⁶, но, прочитав «Героя нашего времени», преклоняю пред автором мое литературное знамя и отдаю ему полный салют!

Скажите, ради бога, где созрело, где развилось это необыкновенное дарование? Каким волшебством этот юный ум проник в тайники природы, в глубину души человеческой? Какая непостижимая сила сорвала пред ним личину общества и объяснила болезнь, которою оно страждет в *наше время*, в XIX веке! Все это чудеса для меня! «Герой нашего времени» — первый опыт в прозе юного автора, первый — понимаете ли!⁷ Гениальные умы взвиваются на высоту при первых поэтических порывах, но в прозе эти примеры чрезвычайно редки. Проза требует глубокой науки и обдуманности. Виктор Гюго написал множество плохих романов и повестей, пока создал «Notre Dame de Paris»*. Бальзак долго влачил по земле, пока возвысился до «Евгении Гранде», «Отца Горио», «Истории тринадцати» и «Шагриновой кожи»⁸. Вальтер Скотт начал писать свои романы уже в зрелых летах, богатый опытами жизни и наукою... Автор «Героя нашего времени» в первом опыте стал на ту ступень, которой достигали другие долговременною опытностью, наукою, трудом и после многих попыток и неудач.

О Русь, мать всех племен славянских, сколько дарования, сколько ума и нравственной силы сокрыто в твоих недрах! Другие народы уже истощили дар слова, а мы едва тронули поверхность нашего рудника... Но обратимся к роману...

«Герой нашего времени» есть создание высокое, глубоко обдуманное, выполненное художественно. Господствующая идея есть разрешение великого нравственного вопроса нашего времени: к чему ведут блистательное воспитание и все светские преимущества без положительных правил, без веры, надежды

* «Собор Парижской богородицы» (фр.). — *Сост.*

и любви? Автор отвечает своим романом: к эгоизму, к пресыщению жизнью в начале жизни, к душевной сухотке и наконец к гибели. Главное действующее лицо романа, Печорин, не есть лицо новое и невиданное: это родной брат Зафи, эгоиста в «Саламандре», романе гениального Евгения Сю⁹. Но все подробности, все аксессуары, все эпизоды и окружающие главное лицо характеры — создание русское, вполне оригинальное. Все характеры, кроме главного лица, Печорина, — первообразы (типы) русского быта и русского общества. Сам Печорин не мог быть вполне оригинален; он должен быть похож на западного европейца, потому что Запад Европы вытиснул на нашем современном поколении свое клеймо, потому что Запад образовал эти холодные существа и заразил их язвою эгоизма в те лета, когда мы должны пылать любовью, дружбою, самоотвержением. Действие происходит на Кавказе. Автор встречается, в переезде чрез горы, с старым штабс-капитаном Максимом Максимовичем и упрашивает рассказать что-нибудь о кавказской жизни. Максим Максимович, лицо, написанное карандашом Гораса Вернета и кистью Тениера и фан-Дейка¹⁰, рассказывает о поручике Печорине, который был под его начальством в одном из кавказских укреплений. Рассказ чудный, совершенство в своем роде! Печорин, человек, живший в высшем кругу петербургском, человек высокого образования, богатый, произвел на старого штабс-капитана удивительное влияние, так сказать, покорил его. Рассказ Максима Максимовича заключается в следующем. Они поехали на свадьбу к горскому князьку, и Печорину понравилась дочь его, Бэла, полудикая черкешенка необыкновенной красоты. У князька есть сын, Азамат, пятнадцатилетний юноша, удалец, наездник, настоящий горец. Азамат влюбился в коня наездника Казбича. Во время свадебного пиршества Максим Максимович подслушал, как Азамат умолял Казбича продать ему коня, обещая ему все на свете, и даже сестру свою, Бэлу, которую он решился украсть у отца и отдать наезднику. Печорин, узнав это, обещает Азамату коня Казбича, если он привезет ему сестру свою, Бэлу. Дело слажено. Азамат похитил сестру из родительского дома и привез в крепостцу, к Печорину, а тот отвязал лошадь Казбича, когда он продавал баранов Максиму Максимовичу, и отдал Азамату, который ускакал на ней в горы, пристал к наездникам и не возвращался в дом родительский. Казбич азиатец! Он из мщения убил князька, отца Азамата, подозревая его в участии с сыном, и когда Печорин с штабс-капитаном были на охоте, похитил Бэлу, вышедшую за крепостной вал. Печорин догоняет

Казбича, ранит его, но тот убивает Бэлу. Вот первая, так сказать, картина, которой подробности очаровательны.

Автор расстаётся в горах с Максимом Максимовичем и встречается с ним снова в Владикавказе. Они ждут конвоя, чтоб ехать далее. Конвой прибыл, и автор с Максимом Максимовичем восхищаются коляскою одного путешественника. Коляска эта — Печорина! Вообразите радость доброго Максима Максимовича, который почитает Печорина искренним своим другом, прожив с ним столько времени в горной крепостце, баловав его и нежив, как родного сына! Печорин отослал коляску в гостиницу, а сам остался у полковника. Максим Максимович посылает к Печорину — дать знать, что он здесь, воображая, что Печорин тотчас прибежит к нему и бросится на шею. Не тут-то было! Максима Максимовича зовут пить чай, ужинать — он не может отойти от ворот гостиницы, он ждет милого своего Печорина. Тот не идет! Всю ночь проохал печальный Максим Максимович. На другой день, когда уже стали закладывать лошадей, является Печорин. Максим Максимович, забыв все свое горе, хочет принять в свои объятия старого товарища, но Печорин небрежно снимает перчатку, протягивает руку и холодно здоровается с добрым армейским штабс-капитаном. Максим Максимович упал духом! Душа его и самолюбие страждут от холодности Печорина! Тайком Максим Максимович даже прослезился. Печорин уехал; он сказал, что едет в Персию и далее. Максим Максимович удивляется, что он не спросил о своих бумагах, оставленных в крепости. Автор упрашивает отдать ему. Максим Максимович выбрасывает их из повозки, с досадою, как хлам. Это «Записки Печорина». С этих пор автор как рассказчик сходит со сцены. Вы читаете «Записки Печорина», который погиб где-то, возвращаясь из Персии. Записки эти — исповедь эгоиста, пресыщенного жизнью.

Вторая картина, сцена в Владикавказе, хотя не богата происшествиями, как первая, но написана тою же мастерскою кистью. Ожидания доброго Максима Максимовича, его нетерпение увидеть Печорина, встреча с ним, портрет Печорина, горе штабс-капитана, его досада... прелесть, прелесть и прелесть! Только необыкновенное дарование могло сделать chef d'œuvre * из этого простого случая!

В «Записках Печорина» открывается полный курс анатомии сердца человеческого и разоблачается холодный ум, который в иных людях заступает место души. Зрелище ужасное и поучи-

* шедевр (фр.). — Сост.

тельное! Родители, юноши и девицы! Читайте, изучайте и поучайтесь! Что значит человек бездушный, со всеми прельщениями ума и любезности? Это человек зачумленный, который губит все, что к нему ни прикоснется, все, что его хочет любить, утешать и помогать ему! Ужасное положение, горькая и жалкая участь!

Третья картина, Тамань. Печорин едет на Кавказ и останавливается в Тамани в ожидании отправления морем. Ему отводят квартиру в хижине убогой старухи. Семейство состоит из хозяйки, притворяющейся глухою, из слепого сироты и дочери хозяйки, полудикой девушки, полуйсступленной, полусумасшедшей, судя по ее приемам. Чудная картина, дивные характеры! Виктор Гюго! Мы уважаем в вас великое дарование, не смотря на возгласы некоторых журнальных шмелей¹¹, но при этом случае просим вас положить перо пред нашим юным романистом! Право, вы ничего не написали лучше этой картины! Я не стану рассказывать, чтоб не разрушать занимательности. Это целая драма!

Четвертая картина принадлежит к тому роду, как «Последний день Помпеи» Брюллова, не по сходству содержания, но по композиции, т. е. это множество отдельных картин на одном холсте и все отдельные картины приведены к одному знаменателю. На картине К. П. Брюллова знаменатель этот — пылающий Везувий, истребляющий целое население города, а в картине г. Лермонтова знаменатель — *ледяная душа Печорина*, наводящая гибель на все, что только подверглось мертвящему ее влиянию. Действие на водах, в Пятигорске и Кисловодске. Портрет княжны Мери, за которую Печорин волочится для препровождения времени и заставляет в себя влюбиться, этот портрет — прелесть! Княжна кокетка, и притом несколько сентиментальна, напитана романтизмом нашего времени. Она благосклонна к одному молодому человеку в солдатской шинели, с крестиком, и притом раненому. Она воображает себе, что это какой-нибудь несчастный, разжалованный, и когда этот самый юноша, которого она слушала так благосклонно, является к ней франтом, в офицерском мундире, раздушенный; когда она узнает, что это был просто юнкер, — очарование исчезает. Тут же, на водах, Вера, замужняя женщина, которая давно любит Печорина. Он привязан к ней более, нежели к другим женщинам. Характер Веры лучше всех обрисован: это истинное совершенство. Грушницкий, этот юнкер, потом офицер, влюбленный в княжну, который погибает на дуэли от руки Печорина, драгунский капитан, доктор Вернер — все это первообразы, со-

здания самостоятельные. Жизнь на водах, общество описаны с удивительной живостью, верностью и искусством. Значительная часть «Записок Печорина» заполнена рассуждениями о самом себе, о людях, о обществе и женщинах. Судит эгоист и пресыщенный жизнью; следовательно, суждения колкие, иронические — это ум Мефистофеля, взгляд падшего духа, которому, однако ж, открыты все таинства сердца человеческого и вся человеческая мудрость. Боже мой! Сколько тут ума, начитанности, наблюдательности и правды!

Пятая, и последняя, картина: «Фаталист». Это эпизод, который многие из читавших книгу почитают лишним. Я думаю, напротив. В этой книге все обдуманно и все расположено таким образом, что роман, составленный будто из отрывков, представляет одно стройное целое и причины не разногласятся с последствиями, и наоборот. Печорин видит зло, гнездящееся в его сердце, чувствует, что он несчастлив, отказавшись от всех человеческих чувствований: от любви, дружбы, сострадания к человечеству, и ищет оправдания в фатализме. Он не верит фатализму, но представляет событие не в доказательство и не в опровержение фатализма, а как простой случай. Но в рассказе его видно желание, чтоб другие поверили, что он бездушен силою фатализма! Рассуждая о том, должно ли верить в фатализм, в который верили древние и верят нынешние язычники и мусульманы, Печорин спросил доброго Максима Максимовича, что он думает об этом, и рассказал случай, подавший повод к рассуждению о сем предмете, случай чудный и необыкновенный. Это смерть одного офицера, убитого пьяным человеком на улице. Сначала Максим Максимович не понял вопроса, а потом, подумав хорошенько, сказал:

— Да, жаль беднягу... Черт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!.. Впрочем, видно уж так у него на роду было написано.

«Больше (говорит Печорин) я от него ничего не мог добиться: он вообще не любит метафизических прений». Автор русским поверьем разрешает задачу и кончает книгу.

Повторяем в сотый раз, что роман этот прелесть, от первой страницы до последней. Картины, портреты, характеры написаны мастерскою кистью, слог живой, увлекательный, язык русский превосходный, чистый, ясный, правильный, без кудреватостей, без вычурностей*. Ума бездна! Занимательность в

---

* Есть странности в правописании, например: выпить *чая*, поцаловал и т. п. Автор здесь не виноват, а корректор.

каждом очерке так сильна, что невольно увлекает читателя. Цель высокая! Вы, так называемые *львы*, брадатые и кудлатые, вы, копирующие холодность Бейрона¹² и гордость сатрапов, вы, поспешающие упиться жизнью, не изучив ее, — вот вам зеркало!

Лучшего романа я не читал на русском языке! Это говорит вам романист, рассказчик и критик, которого многие почитают неумолимым, беспощадным и даже привязчивым критиком, потому что он говорит откровенно правду напыщенной бесталанности, дерзкой самонадеянности и пронирыливому литературному корыстолюбию, прикрывающемуся глупым чванством. Вот юный автор, незнакомый мне и, вероятно, не благоприятствующий мне, судя по его литературным связям, в которые он мог попасть нечаянно. Этот юный автор с истинным, неподдельным дарованием, и я хвалю его сочинение с такою же радостью, как будто бы делился с ним его славою. И точно делюсь, потому что слава русской литературы отражается на всех нас, на всей России, а ее можно искренно поздравить с таким автором, каков творец романа «Герой нашего времени»! С этих пор автор должен вооружиться мужеством и терпением. У него будут бесталантные подражатели и завистники. Зависти не знает истинный литератор, посвятивший литературе всю жизнь свою, все свое время, пожертвовавший ей своим честолюбием и светскими преимуществами. Зависть есть удел тех самозванцев в литературе, которые употребляют ее как *средство* к достижению других целей. Истинный литератор — раб своей обязанности. Если б жесточайший враг его написал хорошее — он должен хвалить, если не хочет сам унизиться до степени своих клеветников. Литератор, как судья, должен смотреть не на лица, а на дела.

Вот правила, которыми издатели «Пчелы» всегда руководствовались в литературе, и оттого-то ни связь их не разрушилась в течение двадцати лет, ни журнал не упал, между тем как в течение этого времени множество литературных союзов и множество журналов — опрокинулись в Лету! Самый близкий путь к цели — по *прямой* линии! Самое прочное основание каждого дела — *правда!*

